

Я сразу призналась режиссеру Николаю Досталью, что не являюсь поклонницей его последнего фильма «Маленький гигант большого секса». Именно потому, что являюсь большой поклонницей его предыдущей картины «Облако-рай». Мне в общем понятно, почему Досталь, сделавши абсолютно некассовую картину, захотел попробовать себя в другом кинематографе — и, вероятно, это получилось. Но вот не изменил ли он при этом самому себе? Как вообще соединить даже не искусство и кассу, а прежде всего зрителя и искусство? «Облако-рай» в этом смысле вообще картина среднего, самого сложного положения — в ней ни на йоту нет элитарности, но при этом в ней нет и того, что именуется сюжетом, историей, драмой, — в ней просто-напросто ничего не происходит...

Николай Досталь. Кроме жизни. Меня, когда я читал сценарий Георгия Николаева, все время свербила нетерпеливая кинематографическая мысль — ну а что же дальше? Вот люди, вот их дом, вот двор, вот бедная окраина, ни город, ни деревня, где они живут. Прекрасно, понятно, ну а дальше что? А ничего! И вдруг я понял — вот это «ничего» ведь и есть жизнь.

Вы знаете, и я не согласен, что «Облако-рай» элитарный фильм. Мне был очень дорог приз, который я получил на фестивале «Кинотавр», с формулировкой — «за разрушение барьеров между кино для избранных и кино для всех». Вот это для меня ценно. Я действительно никогда не был поклонником слова «элита» и делал очень простое кино.

Валентина Иванова. Еще бы простое! Я помню, как в Сочи на кинорынке прокатчики и директора пачками выходили с «Облака-рай» — скака, мол. При этом я знаю, что фильм получил немало призов за границы. В том числе, как я слышала, приз в Женеве «команде актеров».

Я просто для читателя, который сегодня ничего не видит, хочу объяснить — фильм о том, как один парнишка без царя в голове решил однажды обратиться на себя внимание и объявил всем, что он уезжает. Далеко и навсегда. Тут же вся округа — двор, дом, подъезд — всколыхнулась, подобно болоту, в которое бросили палку: здесь никто куда и никогда не уезжает.

А как, по-вашему, Колька действительно решил уехать?

Н. Д. Да нет же, конечно!
В. И. Но эти мощные, глобальные проводы, распродажа мебели, ритуальное прощание с невестой?

Н. Д. Именно что ритуальное...

В. И. Мне кажется то, что «Облако» не дошло до зрителя, — не просто примета нашего проката, его «черных дыр». Увы, мы просто не хотим смотреть про себя — мы хотим смотреть про «богатых»: жизнь как жизнь, как наша жизнь, нас не интересует...

Н. Д. Наверное.

В. И. И потому вы решили сделать своего рода кувырок через голову и обратились к «Маленькому гиганту большого секса», прямо-таки обреченному на успех — Хазанов, море, женщины и к тому же маленький секс... Вы меня извините, Николай, но все-таки ска-

сейчас с ними трудно — возникла фигура знаменитого Мамуки, но все-таки речь идет о сексе...

В. И. А как вообще возник замысел картины?

Н. Д. Вот здесь я и отвечаю на ваши филиппики. Потому что получается, раз били на кассу, значит, специально и долго вынашивали именно такой эстрадно-сексуальный шлягер. Ничего подобного! Ну, что касается

и тех же актеров — кажется, Розанова у вас единственная в этом роде. А ведь вы актерский режиссер.

Н. Д. Я не очень представляю, что это такое. Хотя, признаться, люблю новые лица. Вот, например, героя на «Облако-рай» я нашел... в клоуне Андрее Жигалове.

В. И. А Марата — в Геннадии Хазанове...

Маленький Кувырка. — 1992. — 29 авг. — с. 9. большой человек

Критик Валентина Иванова беседует с кинорежиссером Николаем Досталем

жу, что я думаю о фильме. В отличие от всех ваших прежних картин, где жизнь действительно предстает в формах самой жизни, — здесь вы правы, вы самый настоящий распротклятый реалист — «Маленький гигант» представляется мне неким шоу, эстрадным представлением, попросту набором реприз, сделанных, конечно, мастерски, но не выстраивающихся, для меня во всяком случае, в некую историю, в некую тему. Говоря еще проще — я считаю, что вас, как режиссера, абсолютно положил на обе лопатки Хазанов.

Н. Д. Не так не кажется.

В. И. Да, да. Я хорошо помню ваше телеинтервью с Борисом Ноткиным, где вы говорили о том, как предельно дисциплинирован и незвезден был на съемочной площадке актер в отличие от многих и многих своих коллег по актерскому цеху. Что в нем была истинная робость дебютанта в кино — во все это я верю абсолютно. Но... Но мы говорим о творческом результате, который существует объективно. Мне показалось, что, делая свои репризы, Хазанов завершает каждую из них «победной точкой» — недаром многие из эпизодов фильма уже обкатаны, их можно показывать в концертах, в телепередачах, это готовые «ролики». Для вас же — вспомним то же самое «Облако» — всегда была характерна недоговоренность, многозначность, многочувственность. Ведь хотя бы — мы и впрямь не знаем, уедет все-таки куда-нибудь этот самый Колька, которого столь мощно, с гармонью и песнями, провожает, обливаясь слезами и проливает вся округа...

Н. Д. Не знаю, что мне на это сказать...

В. И. А как вообще возникла фигура Хазанова?

Н. Д. Да абсолютно случайно — как и многое в кино. Хотели сначала взять кавказца — согласно материалу. Но не очень-то мы их знаем, или

секса, так вы сами помните, по картине, что все это, возможно, грандиозный миф, рожденный в воспаленном воображении курортного фотографа. А родился все — от Фазиля Искандера, очень давно. От его прекрасной повести, состоящей из ряда новелл о любовных похождениях героя повести Марата. И все они имеют свой финал, свою «победную точку», что мы бережно сохранили в сценарии. Такова конструкция повести, и это отнюдь не издержки игры Хазанова.

История с повестью «О, Марат» была настолько неожиданной, что Искандер даже хотел предъявить нам иск, услышав, что снимается фильм с таким сюжетом: за давностью лет он забыл, что когда-то студия купила у него — за ничтожную по нынешним временам сумму! — права на экранизацию. Мы пригласили его на просмотр на студию, и его лояльность, скажем так, к фильму стала для нас лучшей наградой. А по поводу игры Хазанова он сказал, что просто не представляет теперь себе другого исполнителя!

В. И. Вы знаете, чтобы подчеркнуть и прояснить свою мысль о «договоренности», эстрадной законченности эпизодов Хазанова, сравню их в том же фильме с удивительным персонажем — это героиня Ирины Розановой, которая возит старого Марата по городу в кресле. Красивая молодая женщина, грубоватого, мужского склада, курит, попивает — что их связывает? Почему она занимается такой работой? Что у нее за судьба? Здесь все недоговорено и потому прекрасно, побуждает к фантазии.

Н. Д. Да, этот персонаж родился в последнюю минуту — у Искандера его нет. Мне очень нравится эта актриса, я работал с ней на «Облаке», и мне горько смотреть, как она буквально пропадает без ролей. Так возникла эта роль без слов.

В. И. Но вы, между прочим, не очень любите снимать одних

Н. Д. Да, и считаю этот выбор своей удачей...

В. И. Производство фильмов сокращается — и вы это, конечно, знаете. Говорят, от фантастической цифры 400 мы уже скатились до 100? А что будет, когда фильмов станет — ну, скажем, пятьдесят? В какую сторону пойдет кино — в коммерческую или элитарную? А может быть, случится чудо — кино возьмется за ум и соединит наконец сегодня, увы, несоединимое — искусство и зрелищность? То есть то, каким оно и было когда-то в лучших своих образцах, каким оно и должно быть все-таки, это кино?

Н. Д. Да, то есть кино станет попросту хорошим кино. Но я пессимист — к сожалению, в такое превращение плохо верится. Когда меня спрашивают — как дела в кино, я отвечаю — как в жизни. Ужасно. Так что, думаю, и в дальнейшем дела в кино пойдут, как в жизни. Если что-то улучшится, появится какой-то луч надежды, воспрянет и кино.

В. И. Вот еще вопрос, совершенно вдруг возник неожиданно — а что если в самом деле произойдет правый, консервативный, военный переворот, своего рода новое ГКЧП — такое ведь вполне возможно. Вот если допустить такую вероятность — люди искусства обязаны воображать невообразимое — какое может тогда возникнуть искусство?

Н. Д. Вопрос интересный. Ну, я думаю, наверное, такое, как при Сталине. Как при любом тоталитарном режиме. Ну, скажем, начнем прославлять войну в Афганистане.

В. И. А что если образуется другая возможность? Ну, как бы это сказать поточнее — понимаете, сегодня мы все в искусстве, а в кино особенно ощущаем горькие плоды вседозволенности, «свобода — это рай» и т. д.

Н. Д. Вы за цензуру?

В. И. Да, в определенной степени. Мне даже кажется, что это веяние сегодня носит-

ся в воздухе — должны же быть какие-то нравственные ограничения. Мне однажды пришлось присутствовать при диалоге Абуладзе и Иштвана Сабо. И этот последний рассказал историю о том, как на телевидении, кажется, в Германии, однажды показали сюжет, как мальчику выкололи глаз. На другой день в больницы, в скорую помощь начали поступать дети с поврежденными глаза-

разговору о положении кино сегодня, скажу, что мне грустно. Грустно на «Мосфильме». Потому что «Мосфильма» как такового уже нет — есть киноконцерн, а по сути, много разрозненных студий.

Не знаю, может быть, кто-то и радуется самостоятельности студий, на которые разделился «Мосфильм», — когда-то мы все за нее боролись. Но сегодня мы пожинаем плоды разделения — и это горько. Мне во всяком случае. Недавно я был на маленьком фестивале в Тормине в Италии, и там было несколько моих коллег — режиссеров. Одновременно кто-то из них руководители новых студий, входящих в киноконцерн. Так вот, для них сегодня важнее сказать о себе — продюсер, чем — режиссер. Они этим очень гордятся. Хотя в отличие от западных продюсеров, запуская фильм, они ничем не рискуют, ни одной своей, я подчеркиваю, своей копеечкой. Однако настоящие продюсеры, институт продюсерства нашему кинематографу сегодня очень нужен.

Мне думается, что для режиссера быть продюсером — это сегодня вынужденная мера. Когда-то мы ругали застойные времена, но государство действительно поддерживало искусство, хоть и было строгим дядей:

Сегодня мы, увы, никому не нужны. Разрушены связи, в том числе и со зрителями, которые создавались десятилетиями, всей историей нашего кино. Все мы долго боролись за свободу художника. Сегодня он свободен, как птица. Но и одинок, как птица, отставшая от стаи где-нибудь над океаном. Впрочем, у любого океана есть берег...

● Кадр из фильма «Маленький гигант большого секса».

